

Геннадий Эстрайх

(Нью-Йорк, США)

Профессор,

Отделение гебраистики и иудаики

Нью-Йоркский университет

E-mail: ge293@nyu.edu

ORCID: 0000-0002-7885-7851

Иосиф Бренер

(Биробиджан, Россия)

Кандидат культурологии, старший научный сотрудник

Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН,

Научно-просветительский центр изучения и сохранения исторического

и культурного наследия Еврейской автономной области

E-mail: brener_iosif@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3322-5188

«Биробиджанское поколение»: строительство местечка на Дальнем Востоке

Аннотация: В статье предпринята попытка осмыслить проект строительства еврейской автономии на Дальнем Востоке. С самого начала, то есть с 1928 г., Биробиджан строился без четкого плана, а наличие какого-то плана вообще обычно сочеталось с его неисполнением. Репрессии дважды – в 1930-е и в 1940-е – ослабляли Еврейскую автономную область (ЕАО), которая по составу населения в этот период было мало развита в профессиональном отношении. Превращение Биробиджана в значительный научный и культурный центр осталось мечтой энтузиастов строительства ЕАО. Даже инфраструктура города и его коммуникации стали развиваться только в 1960-е г. (появилось более или менее современное жилье, была создана городская инфраструктура). Биробиджан оставался провинциальным городом с еврейским меньшинством, уровень образования которого был во много раз ниже среднего уровня образования советских евреев. Вместо нового города, образца современного градостроительства, как это предусматривали архитектурные чертежи начала 1930-х годов, на берегу Биры выросло, по сути дела, местечко, просуществовавшее до 1990-х, когда подавляющее большинство евреев покинуло ЕАО.

Ключевые слова: Биробиджан, национальная политика, евреи СССР, градостроительство, человеческий капитал.

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.09

Для того, чтобы построить замечательный город, создайте сначала замечательный университет и обождите 200 лет.

*Дэниэл Патрик Мойнихэн,
американский государственный деятель и социолог*

Столица Еврейской автономной области – Биробиджан того времени [1980-е] – небольшой (около 80 тыс. жителей) городок с ярко выраженным налетом местечковости.

*Виктор Евтушенко,
генерал-лейтенант, бывший начальник
Управления КГБ по Еврейской автономной области*

В первые годы после Великой Отечественной войны появилась надежда, что Еврейская автономная область (ЕАО), часто именуемая Биробиджаном по названию ее административного центра и по тому, как вся территория области вначале называлась (по двум рекам: Бира и Биджан), получила возможность значительно увеличить свое население и повысить статус до уровня автономной республики. В это время в советской еврейской прессе и литературе создавался образ нового «биробиджанского поколения». В 1947 г. этот термин появился в названии одного из рассказов Самуила Гордона, а в 1948 г. – в названии поэтического сборника «Биробиджанское поколение» Арона Вергелиса. Гордон познакомился с жизнью в ЕАО в качестве литературного гостя, а Вергелис прожил здесь несколько лет в детстве и ранней юности. В 1940 г. он получил членский билет Союза писателей как биробиджанский поэт. По этой категории в тот же день членами Союза писателей стали Эммануил Казакевич и Бузи Миллер [Эстрайх 2015, 215].

Гордон был рад найти в Биробиджане «поколение, которое уже не знает другого дома. Для этих молодых людей все здесь кажется естественным – тайга, сопки, большая и трудная работа, которую они делают. Рассказы о бывшей жизни в местечках кажутся им неестественными». И тем не менее «в покое накануне выходного дня (воскресенья)» Гордон неожиданно узнал приметы традиционной местечковой жизни. Он увидел «нарядно одетых женщин, сидящих около своих домов, щелкая орехи в ожидании того момента, когда их мужья и дети вернутся из бани». В самую жару – солнце только начинало садиться – эти женщины закутались в шелковые шали, сохранившиеся у них с тех времен, когда они ходили в гости по субботам или еврейским праздникам. Из раскрытых дверей и окон доносился аромат фаршированной рыбы и морковного цимеса. Местечковые аллюзии московского писателя разозлили партийное руководство ЕАО. В марте 1948 г. в ЦК доложили, что Гордон симпатизирует старым национальным и религиозным традициям [Эстрайх 2006, 39–40].

Попытаемся разобраться, стал ли Биробиджан местечком. Для этого надо договориться о том, что мы понимаем под местечком. Можно дать много определений, учитывающих различные исторические, культурные, экономические, социальные и даже одорологические (запах фаршированной рыбы и цимеса) аспекты этого феномена центрально- и восточноевропейской жизни, но для дальнейшего анализа нам важно следующее: местечко – это небольшой провинциальный город со значительным еврейским населением, отличающийся ограниченным рынком труда, особенно для квалифицированных специалистов, а также ограниченным доступом к образовательным, научным и культурным сферам жизни.

Биробиджанский район

Если летоисчисление строительства еврейской автономии на Дальнем Востоке СССР вести с 1928 г., то уже можно приступать к подготовке празднования столетнего юбилея Биробиджана. Правда, все еще неясно при этом, как именно представляли себе руководители страны развитие биробиджанского проекта? История принятия кремлевскими небожителями каких-либо решений вообще загадочна. Биробиджан – одна из таких загадок. Остается только *предполагать* и ждать, когда в недооткрытом или недоисследованном архиве будет обнаружен документ, объясняющий ход мыслей тех людей, чьи декреты и постановления стали судьбоносными для многих десятков тысяч советских и зарубежных переселенцев, навсегда или на какой-то срок связавших свою жизнь с еврейской автономией на Дальнем Востоке. Правда, может оказаться, что никакого *конкретного* плана вовсе и не было.

Судя по всему, активную или даже центральную роль в возникновении дальневосточной еврейской автономии сыграл Михаил Калинин, оставшийся в исторической памяти добродушным «всесоюзным старостой» советского государства. В советских и зарубежных еврейских кругах он стал популярной фигурой – борцом с антисемитизмом в СССР и сторонником создания еврейских автономных территорий [Miller 1974, 61–65]. Не случайно первый еврейский национальный район, официально появившийся в 1927 г. в Украине, получил название Калининдорфского, а в Биробиджане имя Калинина получила одна из первых улиц города и средняя школа № 1. По заданию Калинина Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся (КОМЗЕТ) искал во второй половине 1920-х дополнительное место для еврейской автономии – более просторное и менее населенное, чем в Украине (где тем не менее будут созданы еще два еврейских района) и в Крыму (где тоже будут образованы два подобных района).

Обратим внимание на то, что Биробиджанский район в составе Дальневосточного края не имел в своем названии слова «еврейский», словно власть предержащие еще не были уверены в успехе этого начинания. Характерно, что районная газета «Биробиджанер штерн» («Биробиджанская звезда»), идея издания которой была предложена в Москве (при этом решение райкома о начале ее издания принято в октябре 1930 г.), выходила на двух языках – идише и русском [ГА ЕАО, Ф. 6-П. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.], тогда как в еврейских национальных районах Украины и Крыма предпочтение отдавалось газетам на идише. Макс (Мотл) Кипер, председатель Центрального бюро еврейских секций компартии Украины, писал в 1929 г.:

В прошлом году было положено начало еврейскому переселению в Биро-Биджан [поначалу было принято такое написание – *прим. авторов статьи*]. Между тем основная работа ведется на Украине, в Крыму и Белоруссии. Но свободные земельные площади в тех краях исчерпываются, и в ближайшем будущем Биро-Биджан займет важное центральное место в еврейской колонизации [Кипер 1930, 5].

Иными словами, ничего особенного с точки зрения общей стратегии вроде бы не произошло. Судя по всему, Биробиджан поначалу многими рассматривался в качестве дополнительного, но отнюдь не главного объекта еврейской колонизации [Романова 2008, 13]. К концу 1920-х ожидалось увеличение числа переселенцев вследствие сворачивания НЭПа и почти полной ликвидации частной торговли в местах бывшей черты оседлости, а также безработицы у значительной части кустарей из-за нехватки сырья [Волошинова 2013, 285]. Оставшихся без средств существования людей надо было как-то занять и куда-то девать.

Биробиджан привлекал не только малой заселенностью, но и отсутствием предыстории. Еврейские колонии Украины, на основе которых сформировались национальные районы, были созданы еще царской администрацией, а первые крымские колонии служили зачастую временным пристанищем молодых сионистов. Хотелось чего-то нового («мы наш, мы новый мир построим»), полностью своего, созданного с чистого листа и не по инициативе снизу (этого в СССР не любили), а сверху, прямо из Кремля, если не от Сталина, то хоть от Калинина. Неслучайно роман «Красные поля», который американский еврейский писатель Перец Гиришбейн написал после многомесячного созерцания жизни крымских колонистов в 1928 и 1929 г., завершается тем, что главные герои принимают решение перебраться в Биробиджан, чтобы там создать еврейскую социалистическую нацию с самого начала «на правильной основе», а не «с середины», как в Крыму, куда евреи перенесли свой прежний жизненный уклад [Estraiikh 2006a, 72, 79].

Важно было также, чтобы дальневосточное местное население не очень возмущалось появлению там евреев. Абрам Мережин, функционер и один из руководителей еврейских секций компартии, усматривал в еврейской колонизации преграду для китайского и корейского заселения этой территории и утверждал после поездки в апреле 1928 г. в Биробиджанский район, что местные русские, в основном казаки, и корейцы не были склонны к антисемитизму. Более того, он верил, что они даже обрадуются приезду евреев (тут напрашивается сравнение с верой сионистов в то, что арабы должны радоваться приезду в Палестину евреев как носителей цивилизации).

Казака Мережин характеризовал так: «...примитив, но честный, не знающий задних мыслей, прямой. За словом следует дело. Почти нет там воровства». Бóльшую тревогу у него вызывали евреи: «...у некоторой части еврейских переселенцев – другое прошлое, другое воспитание, а потому и характер другой, отношения другие. <...> вы еще теперь услышите от нашего переселенца иногда, как он без конкретного повода называет нееврея “дер хазер” [свинья]» [Мережин 1928, 8–18]. В 1929 г. в одном из своих выступлений Мережин отмечал, что «между амурскими казаками и переселенцами-евреями происходит сближение настолько большое, что и еврейским переселенцам хочется также называться казаками: мол, они казаки, и мы казаки. Подобного рода настроения могут явиться отнюдь не в атмосфере антисемитизма» [Проблемы Биробиджана 1929, 14].

Действительно, антисемитские настроения не найдут широкого распространения среди местных жителей, хотя и останутся проблемой в последующие годы [Романова, Королев 2008, 1–8]. Представленную Мережиным картину скорректирует Менахем Кадышевич, из журналиста переквалифицировавшийся в историка дальневосточного проекта. Кадышевич полагает, что бóльшая часть местного населения «гораздо менее, чем в других местах Советского Союза отравлена ядом старых предрассудков», но все-таки...

Чудес не бывает на свете, нет их и в Биробиджане. <...> В Биробиджане, однако, кроме казаков, живут и крестьяне, переселившиеся туда из Украины и других мест. У них сохранились определенные представления о евреях, завезенные ими еще с родины [Кадышевич 1931, 9–10]¹.

Согласно правительственной инструкции от 7 сентября 1928 г. «Об организации переселения трудящихся евреев на Дальний Восток»,

¹ Из примерно 15 000 казаков, живших в тех краях в 1900-е гг., к началу 1920-х оставалось не более 600, см.: [Ryansky 1992, 19].

При отборе семей для переселения и при разрешении вопроса о первоочередности необходимо исключительно исходить из основной цели земельного устройства трудящихся евреев – привлечения к производительному труду тех элементов еврейского населения, которые не имеют возможности к переселению на землю, главным образом, лиц без определенных занятий, мелких торговцев, представителей наиболее отсталых, не находящих себе применения ремесла в местах их постоянного жительства, длительно безработных служащих и рабочих и т. д. [Кутовая 2016, 159].

Мережина беспокоило, что на самом деле многие переселенцы были людьми с профессией, прежде всего ремесленники. По его мнению, это означало, что «мы ударяемся в какое-то народничество, и земледелие становится каким-то священным занятием, самоцелью» [Мережин 1928, 51]. Действительно, проект еврейской колонизации стал своеобразным продолжением программы «продуктивизации», проводившейся царской администрацией в XIX в., когда немало усилий и средств было вложено, в частности, в создание еврейских колоний на юге империи, в нынешней Украине [см., например: Погромский 2014, 23–27]. Новый советский еврей тоже виделся пахарем, сеятелем и животноводом. Работой «Агро-Джойнта», главного зарубежного спонсора сельскохозяйственной колонизации евреев в европейской части СССР, руководил агроном Джозеф (Иосиф) Розен. Рожь выведенного им сорта (Rosen rye) широко культивировалась и все еще не забыта в США. При желании Розена можно также считать создателем советских машинно-тракторных станций [Такао 2002]. При этом той экспедицией, отчет которой подтолкнул к началу биробиджанского проекта, руководил главный агроном КОМЗЕТА Борис Брук [Бренер 2005, 206–207]. Трактористы стали, по словам Мережина, «биробиджанской аристократией» [Мережин 1929, 76].

В результате продуктивной работы на земле должен был измениться облик еврея. Нарком здравоохранения Николай Семашко писал, что сельскохозяйственный труд оставит в прошлом тип еврейского ремесленника и мелкого торговца, который «ходил, быстро-быстро перебирая ногами, сутулясь, точно вечно стараясь прошмыгнуть незамеченным, чтобы избежать оскорблений антисемитов». Совсем другого еврея он был рад увидеть в сельскохозяйственных колониях:

Вместо юркой и нервной походки сейчас они шагали крепкими широкими шагами уверенных в себе земледельцев.

Совершенно изменилась также их манера говорить: вместо быстрой, нервной, пулеметной речи, свойственной евреям царской России, сейчас они говорили со мной уверенным, медлительным, ясным голосом земледельцев-колхозников, находящихся на прочной почве, людей, принимающих участие

в разрешении всех деталей сложного коллективного хозяйства [Семашко 1934, 8. См. также *Dekel-Chen* 2007].

Вокруг сельскохозяйственной «продуктивизации» создавались научные теории о благотворной биологической трансформации евреев [Weinberg 2007]. Одним из образцов для подражания должен был стать казак. Неслучайно в фильме «Искатели счастья» еврейская красавица Роза влюбляется в казака Корнея и выходит за него замуж. Важно было показать, что евреи стали даже сильнее казаков или, по крайней мере, не уступали им [Эстрайх 2014, 314–327].

Мечты о городе Солнца

В отличие от пяти еврейских национальных районов в европейской части СССР, биробиджанский проект включил в себя строительство города. При всей романтике сельской жизни переселенцы все-таки обычно предпочитали городскую среду обитания. В 1931 г. селение Тихонькая (и расположенная рядом железнодорожная станция с таким же названием) было причислено к категории рабочих поселков и получило наименование «Биробиджан», а в 1937 г. Биробиджан приобрел статус города [ГА ЕАО, Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 49. Л. 51.]. С приездом переселенцев там стали появляться артели на манер местечковых: смолокурная, кирпичная, сапожная, чулочная, столярная, артель по изготовлению чемоданов. Флагманами биробиджанской промышленности стали обозная артель «Колесо революции», а также артель гнутой мебели, переехавшая вместе с каким-то оборудованием из украинского местечка Малин (сейчас город Житомирской области) и успешно использовавшая местную древесину для изготовления так называемых венских стульев [Ванеев 1931, 82; Кадьшевич 1931, 9–10, 30].

Строительство города давало возможность помечтать о создании чего-то большего, чем поселок местечкового типа. Еврейские функционеры и литераторы хотели увидеть здесь культурный или даже научный центр, город с фабриками и заводами, тем более что и правительство все больше интересовало укрепление этого пограничного района. Из Москвы прибыла группа архитекторов во главе с профессором Ханнесом Майером, переехавшим в СССР из Германии, где в течение двух лет он возглавлял «Баухаус» – Высшую школу строительства и художественного конструирования, создавшую новое направление в архитектуре и дизайне [Бренер 2009]. У многих, в том числе у еврейских писателей, захватило дух от нарисованной им картины будущей жизни на берегу Биры.

Давид Бергельсон, заметная фигура в еврейских литературных кругах, впервые посетил Биробиджан в 1932 г. в качестве зарубежного гостя

и стал энтузиастом этого проекта. Вскоре из-под его пера вышла книга «Биробиджанцы». Московское издательство еврейской литературы «Дер эмес» подписало книгу в печать 11 апреля 1934 г., незадолго до окончательного возвращения Бергельсона из эмиграции [Литературная газета 1934а]. В уста героев повествования Бергельсон вложил и свое толкование майеровского видения будущего города:

...на правом берегу Биры, вокруг сопки. Бира с ее каналами прорежет будущий город, как Шпрее прорезает Берлин, а Сена – Париж. Сопка останется в самом центре города. Туда, как в швейцарских горах, поведет фуникулер. Представьте себе большой, оживленный город с множеством фабрик на окраинах, полностью социалистический город в бесклассовом обществе, а в его центре – большущая зеленая сопка. На вершине сопки <...> было бы хорошо разместить большой санаторий для рабочих. <...>

А еще выше санатория на высоченном пьедестале будет стоять памятник: Ленин с вытянутой рукой. По ночам он будет так ярко освещен, что его можно будет увидеть и на той стороне границы [Bergelson 1934, 147–148].

Гирш Блоштейн, изгнанный из Аргентины за редактирование просоветского еврейского журнала, поселился в СССР и, как и Бергельсон, навестил Биробиджан. В его зарисовках будущее города сталкивается с настоящим. К концу второй пятилетки, то есть к 1937 г., город «протянет свои прямые, красивые улицы по левому берегу Биры у подножья сопки. Молодой, красивый, кипучий социалистический город. Над его планом работает группа архитекторов и инженеров-специалистов». Но пока всего этого нет, и город «строится как попало». «Иду и оглядываюсь, – пишет Блоштейн далее. – Мне кажется, что я нахожусь в большом лагере временных жилищ» [Блоштейн 1934, 11]². Но ни вид города, ни погода не остудили энтузиазм писателя: «Дождь... Как видно, дождь зарядил на целый день, но я думаю: светит солнце. Над Биробиджаном восходит солнце, наше большое социалистическое солнце, солнце трудовой и свободной жизни» [Там же].

Солнце не давало покоя воображению еврейских писателей. Бергельсон и его молодой собрат по перу Эммануил Казакевич будут утверждать, что в Биробиджане солнце светит в три раза ярче, чем где-нибудь в Бердичеве, Минске или Киеве, и что «это солнце, вместе с солнцем социалистической родины, придает людям здоровье и силу» [Bergelson, Kazakevich 1939, 13–14]³. Таким образом, чтобы стать физически крепким

² Хаотичность застройки отмечал и посетивший Биробиджан издатель еженедельника «The American Hebrew» [Brown 1933].

³ Судя по орфографии, эта брошюра была напечатана исключительно для распространения за рубежом (в СССР практиковалась своя система написания).

новым человеком, необязательно заниматься сельскохозяйственным трудом. Биробиджанское солнце несло здоровье не только крестьянам, но и жителям города, которому, несмотря на многие надежды, не суждено было стать воплощением проекта Майера, пытавшегося реализовать марксистскую идею о преодолении различия между городом и окружающей его средой. Отношение к зарубежному архитектору быстро менялось, против замыслов Майера выступали советские коллеги, да и город застраивался по большей части хаотично [Richardson 1989, 161; Райш 2016, 53].

Вмешались и другие обстоятельства. Из письма Наркомхоза РСФСР – с резолюцией «не подлежит оглашению» – мы узнаем, что в мае 1934 г. «часть территории, предположенная по проекту для строительства первой очереди, изъята Наркоматом обороны из ведения города» и «уже освоена в основном под строительство военного городка». При этом было понятно, что «изыскание новых территорий, взамен изъятых НКО и необходимых для расселения дополнительного расчетного населения, представляет значительные трудности, так как близлежащие к городу земли расположены в пойме реки и подвержены заливанию и заболачиванию» (Бренер 2009, 133–134).

Но утопия города Солнца на Дальнем Востоке продолжала жить. В конце 1940-х гг. Соломон Дэвидман, американский коммунист-педагог, рассказал своим ученикам, как издали ему виделась жизнь в счастливой еврейской автономии:

...евреи вспахали землю, построили дома, открыли школы для молодых и старых, а также организовали театры и клубы для развлечений. Все мужчины и женщины работают три часа в первой половине дня, потом они возвращаются домой, обедают и отдыхают. Во второй половине дня они снова работают. Вечерами они идут в театр или на концерт [Davidman 1948, 14–17].

Создание области

1934 г. стал переломным в истории Биробиджана. 7 мая решением правительства на карте страны появилась Еврейская автономная область, хотя к тому времени восемь тысяч поселившихся там евреев составляли всего 16% местного населения [Иванов 2020, 205]. 28 мая Калинин встретился с группой московских рабочих и работников еврейской печати (приглашен был и Бергельсон, к тому времени уже прибывший в Москву и успевший стать членом только что созданного Союза писателей [Литературная газета 1934б]), чтобы разъяснить, как надо понимать суть происходящего:

Основная причина [создания области], что у нас евреев очень много, а государственного образования у них нет. Это единственная в Союзе ССР национальность, насчитывающая до 3 млн населения и не имеющая государственного образования. <...> Я думаю, что лет через десять Биробиджан будет важнейшим, если не единственным, хранителем еврейской социалистической национальной культуры. <...> Я считаю, что образование этой области, оно как бы поставило на ноги национальность или, вернее, подвело советский фундамент под еврейскую национальность в СССР. <...> Я считаю, что биробиджанская еврейская национальность не будет национальностью с чертами местечковых евреев Польши, Литвы, Белоруссии, даже Украины... <...> Биробиджан нам интересен с точки зрения развития еврейской государственной единицы, чтобы через 5–6 лет каждый еврей чувствовал себя так, как, предположим, немец в нашем Союзе, который знает, что есть республика Немцев Поволжья, или татарин, который знает, что есть Татарская республика [Калинин 1935, 6–7, 10–11, 13–14].

Можно только догадываться, что имел в виду Калинин, когда произнес, а потом не вычеркнул из подготовленного к печати текста слово «даже» при упоминании Украины. Означало ли это, что украинское местечко и его обитатели считались более продвинутыми, чем белорусское? Подходы к работе с местечком действительно несколько отличались в Украине и в Белоруссии. При этом местечко как таковое уже исчезло с карты СССР, бюрократически превратилось в город, поселок или село. Однако проблема осталась: казалось бы, власти «повернулись лицом» к местечку, но все еще тем не менее считали его инородным, «паразитирующим» образованием на здоровом теле государства рабочих и крестьян [См.: Estraikh 2004; Замойский 2017].

Каких переселенцев предпочитали видеть в Еврейской области? Ответ на этот вопрос попытался дать Бергельсон:

...ехали в Биробиджан просто, без каких-либо размышлений о новой эпохе в еврейской истории и о ее «всемирности». Тянулись на восток с большой тягой к сытости, но без какого-либо «соблазна» стать идеологизированными евреями. Более того, они даже не знали, что это такое, и относились с осторожным недоверием к тем, кто этого хотел [Bergelson 1934, 5–6].

Иными словами, энтузиастам национального строительства ехать в Биробиджан вроде бы не стоило. Не перебрался туда ни один из ведущих еврейских авторов. Бергельсон грозился переехать, ему даже начали там строить дом, но в конце концов он предпочел осесть в Москве [Kotlerman 2007, 222–235; Бренер, Заремба 2013, 214–215].

Разговоры о «продуктивизации» еврейских переселенцев к тому времени затихли. Чрезвычайно внимательным должен был стать и под-

бор иммигрантов. В соответствии с инструкцией, к переселению из-за границы в ЕАО допускались «только трудящиеся – рабочие, служащие и кустари..., а также земледельцы, не пользующиеся наемным трудом, физически здоровые» [Троуановску 1936; Локшин 2015, 7]. На все это обратил внимание еврейский демограф и экономист Яков Лещинский. Он жил в то время в Варшаве, но внимательно следил за ситуацией в СССР и делился своими размышлениями с читателями нью-йоркской еврейской газеты «Форвертс».

Лещинский так и не смог понять, какую собственно цель преследовал план строительства ЕАО. Сам он не видел в нем ни экономического, ни социального смысла. К середине 1930-х гг. каждый третий советский еврей жил в одном из пяти крупных городов – Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе или Харькове. У еврейских горожан была работа, часто они были заняты в престижных сферах. В пяти еврейских национальных районах жили 225–230 (по другим источникам – 150) тысяч евреев. Эти районы могли принять больше людей, особенно с учетом того, что многие колонисты перебирались оттуда в города. Благодаря полному равноправию евреев в советском обществе и успешному привлечению их к занятости в экономике число деклассированных элементов, так называемых *луфтваменчн* («людей, парящих в воздухе»), сократилось с одного миллиона в начале 1920-х гг. до 150–200 тысяч. Это были в основном люди такого возраста или свойства, которых, по мнению Лещинского, просто не составляло никакого смысла везти куда-либо с целью «продуктивизации». Такая цель уже и не ставилась – к переселению все больше пытались привлечь строителей, кузнецов, плотников, учителей. В любом случае относительно небольшое число переселенцев в ЕАО не могло изменить общую структуру всего еврейского населения, которое явно превращалось в «нацию белых воротничков и врачей» [Lestschinsky 1935a, 1935b, 1935c]⁴.

Биробиджан все еще мог привлечь «лишенцев», то есть считавшихся, перефразируя Оруэлла, «менее равными» из всех советских граждан; число их сокращалось, но такая категория еще официально продолжала существовать до конца 1936 г. Шифра Лифшиц⁵, эмигрировавшая в СССР из Польши и получившая распределение в Биробиджан после окончания еврейского пединститута в Одессе в 1934 г., ехала в поезде с переселенцами из Украины и Белоруссии:

⁴ Лещинский мог быть знаком с книгой Виктора Финка «Евреи в тайге» (М., 1930), писавшего: «Из Рогачева была прислана целая партия <...> инвалидов – хромые, слепые, глухие, эпилептики. Из Умани – тоже целая группа нетрудоспособных стариков. Из Смоленска прислали душевнобольного, которого пришлось здесь поместить в больницу. Из Минска и Одессы – зарегистрированных воров-рецидивистов. Из Бобруйска – веселых женщин! Биробиджан хотят обратить в какое-то свалочное место!» [Финк 1930, 270].

⁵ В некоторых источниках Липшиц.

Большая часть переселенцев принадлежала к так называемым луфтменчн, которые искали заработок, крутились на «черной бирже» и боялись быть пойманными и осужденными за спекуляцию. Были среди переселенцев ку-стари, хорошо мне знакомые труженики, которые не могли больше выдерживать давление со стороны фининспекторов, а также голодные колхозники из Херсонской области и Крыма [Lifshitz 1979, 61].

Считалось, что переселенцы не везли с собой на восток религиозные предрассудки. В том же 1934 г. заглянувший в Биробиджан польский еврейский активист увидел там лишь несколько переселенцев, соблюдавших субботу и не употреблявших в пищу свинину, но все они оказались не этническими евреями, а субботниками [Pegelman 1934, 184]. Если верить зарисовке писателя Давида Хаита, молодых биробиджанцев забавляло упорство субботников, приехавших поселиться среди «истинных» евреев. Еврейские шутники даже предложили им свои услуги в качестве *шабес-гоим*, то есть помощников для исполнения различных дел, запрещенных по субботам и праздникам [Хаит 1936, 8–9].

Ленинградские этнографы, приехавшие в 1937 г. в ЕАО в поисках нового советского еврея, столкнулись с трудностями в поисках артефактов, отражающих «национальную самобытность» населения области. Вместо материалов об обычаях, быте, жилище, одежде, утвари и фольклоре участники научной экспедиции привезли в основном идеологизированные суррогаты: описания и фотоснимки новых ритуалов (например, коллективного обсуждения сталинской конституции), образцы политически грамотного фольклора (еврейские народные песни о Ленине и Сталине, колхозные частушки) [Иванов 2020, 236–237].

В 1958 г. житель Биробиджана напишет:

Вот уже около тридцати пяти лет, как я не видел пасхального седера. Те местные евреи, что пекут или получают из других городов мацу, в большинстве своем люди неотесанные и невежественные: весь год они выращивают свиней, нарушают субботу и т. п., и только на Песах они, так сказать, «кошеруются» и едят мацу, а есть и такие, что мацу и хамец вместе [Котлерман 2020, 368, 393–394].

Между тем первое десятилетие биробиджанского проекта было наполнено планами, которые иначе как еврейское национальное строительство назвать сложно. Правда, в 1930-е гг. бывший бундовец Мережин (его расстреляют в феврале 1937 г.) уже был лишен возможности открыто призывать (как он делал это в 1929 г.) не бояться лозунга «В еврейскую страну!». В официальном дискурсе уже не было места этому призыву – «оживляющему и революционизирующему, апеллирующему к молодому и смелому, а не к отсталому и консервативному, апеллирующему не к

национальным предрассудкам, не к древним предкам и гробницам, а прочь от них – к новому социалистическому будущему» [Бляхер, Пегин 2011, 129]. Фактически за претворение в жизнь этого лозунга в 1934–1936 гг. взялся председатель облисполкома ЕАО Иосиф Либерберг, ранее возглавлявший Киевский институт пролетарской еврейской культуры⁶.

Харизма исходила от этого человека. Шифра Лифшиц вспоминала о первом выступлении Либерберга в Биробиджане: «Либерберг произвел впечатление всем своим видом. Он был импозантный, высокий, красивый, крепко сложенный мужчина. Своей речью он всех вдохновил, зажег, так что каждый из нас был готов преодолеть все трудности, которые были связаны со строительством» [Lifshitz 1979, 74]. В мае 1936 г. в Биробиджане провели несколько дней супруги Хелды. Адольф Хелд, один из лидеров американского еврейского социалистического движения, возглавлял «Амалгемейтед бэнк», самый крупный (и еще существующий) «социалистический» банк, созданный американскими профсоюзами. Его жена Лиллиан, тоже активный деятель социалистического движения, после разговора с Либербергом сказала мужу: «Когда говоришь с Либербергом, даже грязь на улицах Биробиджана кажется не такой грязной» [Held 1936a]. Важным было и то, что такой человек мог легко найти общий язык с интеллигенцией, в том числе столичной, которую было очень непросто привлечь в Биробиджан. Об этом говорил Калинин в мае 1934-го:

... Москва много кадров не даст, может быть, поедут пока человек 40, обедни этим не сделать. Основные кадры поедут не из Москвы, основные кадры поедут из еврейских городов и местечек и, может быть, также из-за границы. <...> Только командировка, назначение по партийной или комсомольской линии, временная работа могут оторвать от Москвы [Калинин 1935, 5–6].

Подводя итоги первого года существования ЕАО, Матвей Хавкин, первый секретарь обкома и, во всех отношениях – как человек и руководитель, – антипод Либерберга, писал: «...самый острый недостаток мы чувствуем сейчас в интеллигенции, культурных работниках, писателях, журналистах, художниках, театральных и научных работниках» [Хавкин 1935, 19–20]. Назначение по той или иной «линии», распределение по окончании вуза или энтузиазм все-таки привели в Биробиджан группу специалистов. Кадровый голод в ЕАО, как и предполагал Калинин, частично преодолевался за счет иностранных переселенцев [Смирнова 2020]. Либерберг предпринимал усилия по организации в городе научно-исследовательского института. Эстер Шнайдерман (позже

⁶ Институт закроют в 1936 г., см. [Меламед 2020].

Розенталь-Шнайдерман), работавшая с Либербергом в Киеве, а затем в Биробиджане, полвека спустя вспоминала:

Это было в столице ЕАО Биробиджане, в начале весны 1936 года, когда он, председатель ЕАО, по горло был занят тяжелыми заботами и главной из них было – что сделать, чтобы переселенцы не разбежались из Биробиджана? Как добиться для них крыши над головой и буханку хлеба для детей? Именно тогда он ведет нас в одну из редких свободных минут на прогулку к заснеженной сопке, в которую он прямо-таки влюбился: «Вы видите? Здесь мы скоро начнем строить здание для библиотеки иудаики и она будет самой большой в мире» ... [Rosenthal-Shnaiderman 1983, 82].

Планировалось проведение конференции о состоянии и развитии языка идиш со стратегической целью объявить Биробиджан главным центром еврейской науки и культуры в СССР. Велись даже разговоры об особом биробиджанском каноне языка идиш, хотя широкое использование языка было проблематично прежде всего из-за того, что евреи всегда составляли меньшую часть населения города и, особенно, области [Estraiikh 1995; Королев 2009; Бренер 2015; Заремба 2015; Ковальчук, Гапоненко 2016]. Хелд обратил внимание на то, что основным языком, звучавшим на улицах города, был русский [Held 1936b]. Неслучайно местному еврейскому театру предложили создать труппу, ориентированную на спектакли для русскоязычного населения [Гамалей 2019, 83].

По нисходящей

В августе 1936 г. постановление Президиума Центрального исполнительного комитета одобрило результаты строительства ЕАО. Характерно, что в центре внимания оставалось развитие сельского хозяйства и промышленной кооперации, а промышленность упоминалась вскользь и разговор о ней шел лишь в будущем времени. Основным было то, что, «имея свою государственность, землю, колхозники-евреи <...> на деле опровергают вековую буржуазно-обывательскую ложь о невозможности для еврейского населения освоения труда в сельском хозяйстве» [Биробиджанская звезда 1936]. Еврейская автономия явно виделась руководству преимущественно местечковой (промкооперативной) и сельской. Неслучайно в фильме «Искатели счастья», выпущенном в год выхода постановления, «постоянно показывают людей с вилами на фоне стогов сена, впряженных лошадей, рыбаков и пастухов». При этом «фильм переполняют пасторальная образность и “сельская” эстетика» [Лурье 2019, 139].

На совещании, созванном председателем КОМЗЕТА Сергеем Чуцкаевым в ноябре 1936 г. Николай Патрикеев, председатель Далькрайплана, озвучил возражения руководства Дальневосточного края (в октябре 1938-го он будет разделен на Хабаровский и Приморский) об открытии в Биробиджане педагогического института, «считая вообще ненормальным строительство института на завозном студенчестве». Он не поддержал также строительство нового театра и выделение средств на организацию системы канализации в городе. Биробиджанцы в то время пользовались водой из примитивных срубных колодцев, а нечистоты вывозились в бочках [Кузина 2014, 83–91].

Чуцкаев «указал Патрикееву, что вся область, а не только педагогический институт, строится на переселении, – поэтому высказанный им мотив политически не продуман». Чуцкаев поддержал Александр Хацкевич, секретарь Совета Национальностей ЦИК СССР (для КОМЗЕТА Совет Национальностей был вышестоящей инстанцией). По мнению Хацкевича, капиталовложения в область должны были быть увеличены до первоначальной заявки. Дискуссию о том, нужен ли пединститут в области, он посчитал совершенно неуместной, поскольку «этот вопрос был выдвинут т. Кагановичем, решен Правительством, причем редакция этого постановления [о создании пединститута – прим. ред.] долго обсуждалась у т. Калинина». Остальные выступившие на совещании поддержали предложения области по капитальному строительству на 1937 г. [ГА ЕАО, Ф. 75. Оп. 1. Д. 77. Л. 73–73 об., 74].

В итоге многое из планов так и осталось на бумаге. Пединститут откроют в Биробиджане только в 1989 г. До этого времени в ЕАО существовали лишь средние специальные учебные заведения – техникумы и училища. Лифшиц писала: «...не имея никаких перспектив относительно продолжения образования [на еврейском языке], приходится прийти к выводу, что учеба в еврейских биробиджанских школах означает ограничение самого себя. Это означает, что после средней школы дальнейшее образование трудно продолжать» [Lifshitz 1979, 79].

Чуцкаев, Патрикеев, Хацкевич и другие участники совещания вскоре потеряют работу, свободу или будут расстреляны. Если в 1935 г. Хавкин только предупреждал, что в потоке переселенцев в ЕАО «пролезали отдельные классово чуждые элементы» [Хавкин 1935, 9], то через год-другой оказалось, что Хавкин и Либерберг тоже представляют серьезную угрозу советскому строю. Жену Хавкина обвинят в попытке отравления фаршированной рыбой заглянувшего в Биробиджан Лазаря Кагановича. Либерберга расстреляют, а Хавкину посчастливится выжить в ГУЛАГе [Weinberg 1993, 27; Либинзон 2007, 26; Сирота 2008, 37; Бренер 2010].

В сентябре 1936 г. Либерберга, арестованного в августе по обвинению в участии в троцкистском заговоре, вывели из состава облисполкома ЕАО [ГА ЕАО, Ф. Р-101. Оп. 1, Д. 135. Л. 107]. Одновременно Давид Бергельсон

(он все еще обещал осесть в Биробиджане) стал членом этого комитета. В начале 1937 г. Бергельсон, которому было отпущено чуть больше пятнадцати лет жизни до расстрела, писал в телеграмме из Биробиджана, что «весь великий советский народ, все лучшие люди нашей страны облегченно вздохнули, узнав, что карающий меч правосудия обрушился на головы предателей родины, социализма, трудового человечества» [Бергельсон 1937]. Место в облисполкоме получил также Иосиф Рабин, присланный из Москвы руководить местной писательской организацией. Однако вскоре его отправили в ГУЛАГ. Арестуют и приехавшего из Минска филолога Хайма Голмштока, мечтавшего о биробиджанском стандарте идиша.

Был арестован и не вернулся из заключения литературный критик Самуил Клитеник, направленный из Москвы редактировать биробиджанский журнал «Форпост». Еще раньше в Биробиджан прибыл подававший большие надежды писатель Бузи (Борис) Олевский, но он избежал ареста, возможно, потому что был «своим», не иммигрантом. (Олевского призывают в армию в 1939 г., он погибнет в 1941-м в первых боях на западной границе.) Иначе выглядела биография многих других, составивших круг интеллигенции города и области: Голмшток жил в Америке, у Рабина было виленское прошлое, а Клитеник приехал из Польши строить социализм в СССР. В охватившей страну параноической шпиономании у приехавших из-за границы, особенно из «панской» Польши, было мало шансов остаться на свободе. Под каток репрессий попала и Шифра Лифшиц.

Из Биробиджана уезжали и без участия НКВД. Среди убитых были журналисты «Биробиджанер штерн» Тевье Ген и Герш Вайнройх (Григорий Винокур). Гирша Добина, арестованного в 1938 г., освободили в 1940-м, но в Биробиджан он уже не вернулся. После окончания пединститута в Москве не вернулся в Биробиджан Арон Вергелис. Переезд Эммануила Казакевича в Москву больше напоминал бегство. 1 ноября 1937 г. биробиджанский горком отменил решение о приеме Казакевича в кандидаты в члены партии, так как все три коммуниста, давшие ему рекомендацию, оказались «врагами народа», угроза ареста нависла и над самим Казакевичем [Эстрайх 2015, 215–217, 241].

Несмотря на репрессии, поглотившие руководителей, директоров предприятий и организаций, специалистов и работников культуры ЕАО, власти не отменили празднование 10-й годовщины начала еврейского переселения в область. Весной 1938 г. торжества проходили с участием гостей из городов Дальнего Востока и центральных регионов, с церемониями открытия новых сооружений, включая типографию и больницу в Биробиджане [ГА ЕАО, Ф. 75. Оп. 1. Д. 133. Л. 2.]. Общество землеустройства еврейских трудящихся (ОЗЕТ), игравшее центральную роль в строительстве ЕАО, 7 апреля 1938 г. рассмотрело на заседании вопрос о разоблачении классовых врагов, в числе которых были названы бывшие руко-

водители организации. На этом же заседании было решено направить в область для участия в праздновании круглой даты представителей организаций ОЗЕТ Москвы, Украины, Белоруссии, Ленинграда, Крыма, Ростова-на-Дону, Воронежа, Смоленска, Иванова и Грузии, а также выделить средства для издания сборника научной комиссии при облисполкоме ЕАО [ГА ЕАО, Ф. 75. Оп. 1 Д. 133. Л. 50–53.]⁷. Как оказалось, это стало заключительным аккордом в деятельности ОЗЕТ, ликвидированного, как и КОМЗЕТ, в 1938 г.. Но еще до ликвидации этих организаций их функции были урезаны. 19 сентября 1936 г. правительственным постановлением вопросы переселения в ЕАО перешли в ведомство НКВД [ГА ЕАО, Ф. 75. Оп. 1. Д. 71а. Л. 6.].

В 1940 г. вновь появилась идея о застройке правого берега Биры. 13 августа обком и облисполком ЕАО приняли совместное решение «О проекте планировки Биробиджана», в котором среди прочего говорилось: «Просить Совнарком РСФСР утвердить генеральную схему планировки г. Биробиджана <...> 1. Расчетную численность населения города принять 200 тыс. жителей. 2. <...> предусмотреть территориальное развитие города на обоих берегах реки Биры» [ГА ЕАО, Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 183. Л. 13.]. Скорее всего, увеличение плановой численности жителей было связано с подготовкой к переселению евреев из новоприсоединенных к СССР осенью 1939 г. польских территорий. В середине 1940 г. в Биробиджане работала правительственная комиссия, изучавшая возможность приезда в область к концу 1942 г. не менее 45 тысяч евреев из новых западных районов страны [Kotlerman 2002, 109–114; Бренер, Заремба 2013, 250]. Однако война с нацистской Германией свела на нет планы развития города и области.

В 1941–1945 гг. на фронт было призвано более 12 тысяч жителей ЕАО, 7 тысяч из них погибли или пропали без вести [Гуревич, Куликова, Парамонова 2015, 5]. Население ЕАО в 1945 г., по сравнению с 1941 годом, уменьшилось более чем на 40 тысяч человек [Ткачева 2007, 63]. В то время как во многих восточных районах СССР численность еврейского населения в годы войны увеличилась, в ЕАО, куда не был направлен поток эвакуации из европейской части страны, этого не произошло. Последний всплеск еврейской переселенческой активности в ЕАО пришелся на конец 1940-х годов. 26 января 1946 г. вышло постановление Совета народных комиссаров РСФСР «О мероприятиях по укреплению и дальнейшему развитию хозяйства Еврейской автономной области», которое среди прочих мер предусматривало отправку в область «50 учителей и 20 врачей, причем главным условием является их обязательное еврейское проис-

⁷ На самом деле ОЗЕТ в 1938 г. выпустил напечатанную почему-то в Астрахани брошюру «Биробиджан – еврейская автономная область (1928–1938): итоги социалистического строительства».

хождение» [Вайсерман 1999, 150]. В постановлении Совета Министров СССР, принятом 16 ноября 1947 г., речь шла «о переселении 250 семей из Крымской области и 704 семей из Херсонской и Николаевской областей в Еврейскую автономную область». К тому времени еврейские национальные районы уже не существовали на картах Украины и Крыма. По подсчетам Давида Вайсермана, всего за 1947–1949 г. в область приехало 6 500 человек в двенадцати специализированных поездах из Винницы, Херсона, Николаева, Днепропетровска, Одессы и Самарканда [Там же, 222]. Одновременно ЕАО заполнялась нееврейскими переселенцами. В 1946 г. туда направили 8 126 демобилизованных офицеров и солдат [Там же, 158].

В первой послелагерной и послевоенной книге Иосифа Рабина «Мы живем» (1948) герою рассказа «Эшелоны прибывают» удается убежать из гетто где-то в Белоруссии, он воюет затем в рядах Красной армии. К концу войны он решает не возвращаться в Белоруссию, а вместе с группой демобилизованных солдат отправляется в Биробиджан, где чувствует себя счастливым *среди своих*. Рабин в Биробиджан не вернулся, но несколько писателей туда все-таки перебрались в 1940-е годы. Практически все они, а также несколько писателей и журналистов, поселившихся в ЕАО еще в 1930-е, вскоре оказались за решеткой. И вернувшиеся из лагерей, и напрямую не затронутые репрессиями обычно несли в себе страх проявить недовольство в адрес власти. Этот страх тяготил их всю жизнь и зачастую передавался их детям. В ноябре 1987 г., незадолго до своей смерти, Бузи Миллер, прежде подчеркнуто лояльный коммунист, опубликовал в газете «Биробиджанер штерн» поэму под названием «Перестройка сердец». Писатель явно ощущал острую потребность рассказать о самых тяжелых для него годах, оставшихся в его памяти «как кошмарный сон, / не жизнь – одни доносы и наветы» [Бренер 2007, 188]⁸.

Со второй половины 1940-х ЕАО больше не притягивала к себе еврейских переселенцев. Наоборот, еврейское население сокращалось за счет того, что демографы называют естественной убылью, а также из-за оттока активного населения, прежде всего молодежи.

«Утечка мозгов»

В 1950-е гг. западные наблюдатели теряли Биробиджан из вида, писали о его ликвидации, но при этом пару раз прошел слух, что туда выселят всех или почти всех евреев [см.: Эстрайх 2018]. Город мало напоминал

⁸ Подстрочный перевод Е. Сарашевской и Р. Шмайн. Литературная обработка В. Соломатова.

Берлин или Париж, о чем мечтал в 1930-е гг. Бергельсон. Леонид Лещинский, родившийся в Биробиджане в 1945 г., вспоминал:

В конце сороковых и в начале пятидесятых годов это был небольшой городишко, состоящий в основном из двухэтажных деревянных бараков. Центр пересекали три основные улицы: Калинина, Ленина и Шолом-Алейхема. В городе не было водопровода, газа, центрального отопления, канализации, за исключением кирпичного дома, где жило руководство города. <...>

Бира заливала весь город. В городе было два завода: обозный и металлоизделий.

Люди жили бедно, в основном за счет подсобных хозяйств и скота. Все держали коров, свиней, кур [Лещинский б.г.].

Перепись 1959 г. выявила численность еврейского населения ЕАО: 14 269 человек, что составило 8,8% населения области и 0,7% всего еврейского населения СССР. Большинство евреев области жили в Биробиджане, где они в год переписи составляли примерно четверть населения. В 1961 г. имя и фамилия каждого третьего депутата горсовета говорили о (вероятном) еврейском происхождении, а в областном совете доля депутатов с такими «этническими» именами была в два раза ниже [Skoczylas 1965, 12]. По сравнению с 1939 г. еврейское население области в 1959 г. сократилось на 19%, и вскоре евреи стали третьей – после русских и украинцев – этнической группой в ЕАО [Константинов 2007, 20]. В путевых заметках о посещении Биробиджана в 1958 г. польский журналист Доминик Городынский отметил затухание еврейской идентичности, проявлявшей себя только в каких-то отдельных особенностях поведения. Например, в отрицательном отношении к охоте. Но и это отличие постепенно исчезало [Horodyński 1959, 71]⁹.

В 1963 г., четверть века спустя после отъезда из Биробиджана, город посетил писатель Тевье Ген, специализировавшийся на темах современной еврейской жизни. Ему явно хотелось найти что-то привлекательное в столице ЕАО, но, несмотря на все усилия, результат получился бледным и только поверхностно еврейским: улица Шолом-Алейхема, еврейские имена встретившихся ему местных жителей, а также воспоминания о прежних годах в Биробиджане [Gen 1977, 363–404].

В 1959 г. 5 597 евреев ЕАО указали «еврейский» в качестве родного языка [Костырченко 2012, 180]. Довольно высокий для того времени показатель знания идиша можно объяснить частично тем, что школьное преподавание языка сохранялось в области до 1949 г. В то же время этот показатель отражал старение еврейского населения, происходящего за

⁹ Об отрицательном отношении к охоте в еврейской традиции см., например, [Hoenig 1970].

счет сокращения доли молодежи, для которой идиш уже не был родным языком. Выбор большей части послевоенного биробиджанского поколения был примерно таким же, как и у молодых людей, родившихся в бывших местечках, – учеба в больших городах. Обычно это был билет в одну сторону. К концу 1960-х годов среди евреев-биробиджанцев доля людей с высшим образованием была почти в восемь раз ниже среднего по стране показателя для еврейского населения [Andrews 1978, 455].

Показательна история биробиджанской школы № 1. По воспоминаниям Полины Хануковой [Интервью с ПГХ 2020], учителя математики, а с 1966 г. директора школы (позже заведующей облоно), там сложился коллектив талантливых педагогов. Особой популярностью пользовался физик Соломон Абрамович Глускин. Обсуждалась идея создания специализированной математической школы, но дальше разговоров дело не пошло. Между тем школы такого типа создавались в других городах, зачастую с высоким процентом еврейских учеников [Герович 2020, 103–108]. В 1963 г. физико-математическая школа-интернат (ФМШ) появилась в Новосибирске, там стали регулярно проводить олимпиады для школьников. По их итогам несколько учеников биробиджанской школы № 1 получили приглашение в летнюю ФМШ, открывавшую дорогу для поступления в Новосибирский государственный университет (НГУ). В 1967 г. по числу поступивших в НГУ евреи (71 чел.) заняли второе место после русских (597 чел.) [Шиловский 2007, 105].

Из воспоминаний Александра Корчминского, выпускника 1964 г.:

Наш выпуск был вторым и предпоследним, который учился 11 лет. Мы сдали выпускные экзамены, поступали в институты. 13 из нас поехали в Томск – и все поступили: 7 в Томский институт радиоэлектроники и электронной техники [ТИРиЭТ], а 6 – в Томский политехнический институт. А всего, как говорили наши учителя, из 53 выпускников двух одиннадцатых классов 48 человек в тот год поступили в различные вузы Дальнего Востока и Сибири. Практически такие же результаты были у выпускников 1962 и 1963 годов [Интервью с АНК 2020].

В 1967 г. учащиеся школы № 1 Наум Шифон, Феликс Кердман и Борис Звенигородский стали победителями краевого тура Всесибирской олимпиады по математике и были зачислены в ФМШ при НГУ. Бывшие ученики школы защитили кандидатские (Ефим Глускин и Феликс Кердман) и докторские (Григорий Годияк и Михаил Браверман) диссертации, а Олег Загар в 1981 г. получил Государственную премию [Железногорск 2000]. Иосиф Гольдберг, лауреат Государственной премии 2002 г., приехал в Томск в составе большой группы выпускников биробиджанской школы в 1964 г. При проходном балле 21 они набрали по 24–25 баллов, что считалось высшей оценкой при зачислении. На следующий год приехавшие

в Биробиджан преподаватели ТИРиЭТ провели математическую олимпиаду, победители которой получили приглашения для поступления в вуз [Интервью с ИИГ 2020]. Популярный актер театра и кино Семен Стругачев и художник Александр Шуриц тоже учились в школе № 1.

Кто-то после института возвращался в Биробиджан. Но большая часть молодежи, получившей высшее образование, уезжала навсегда, хотя в городе появились новые промышленные предприятия и благоустроенное жилье. ЕАО оставалась не просто одной из удаленных советских провинций, но и, по сути дела, неликвидностью в территориально-административной мозаике страны. В пропагандистских материалах, распространяемых ТАСС и АПН, она продолжала фигурировать в качестве доказательства – в большей степени для просоветских зарубежных СМИ – успешного решения «еврейского вопроса». При этом практически ничего не делалось для того, чтобы область привлекала к себе еврейских переселенцев или пыталась удержать получившую образование молодежь. Скорее, что-то делалось напоказ. Печаталась газета «Биробиджанер штерн», у которой почти не было читателей. Биробиджанскую «прописку» дали Камерному еврейскому музыкальному театру, базировавшемуся на самом деле в Москве. Биробиджанская «родословная» украшала биографии Арона Вергелиса, редактора московского еврейского журнала «Советиш геймланд» («Советская родина»), и раввина Московской хоральной синагоги Адольфа Шаевича.

Заштатный статус ЕАО – область в составе Хабаровского края – отражался на статусе еврейского образования и еврейской культуры в СССР. Как народ «областного уровня», евреи фактически приравнивались к малочисленным этническим группам, наделенным территориями такой же ранговой категории, например, Хакасской или Карачаево-Черкесской автономных областей [Krupnik 1995, 75–76; Файзуллин 2012, 139–144]. Но ЕАО уступала даже аналогичным автономным образованиям. Например, в Хакасской или Карачаево-Черкесской областях с 1930-х гг. можно было получить высшее педагогическое образование и найти работу в местных научно-исследовательских институтах, занимавшихся историей, литературой и языкознанием.

Зарубежные гости допускались в Биробиджан редко и неохотно. Скандалом закончилась в 1971 г. попытка делегации просоветски настроенной афроамериканской организации NEGRO (National Economic Growth and Reconstruction Group) посетить ЕАО. В знак протеста Томас Мэтью, ее руководитель, прервал поездку по Советскому Союзу [Jacobs 2019, 214–215]. Журналист Альберт Эксбэнк описал свое посещение Биробиджана в 1976 г. Он пришел к выводу, что биробиджанцы заметно отличались от евреев Москвы, Ленинграда и Одессы. Они с гордостью ощущали себя пионерами этого края, были советскими патриотами и не проявляли желания эмигрировать в Израиль или еще куда-нибудь [Axebank 1976].

Виктор Евтушенко, начальник местного управления КГБ, вспоминает, что для молодежи области «проявления сионистского характера были не свойственны». Как исключительный случай он описывает историю биробиджанца 1960 года рождения, студента Хабаровского мединститута. Летом 1982 г. он в Москве и Ленинграде познакомился с отказниками и загорелся идеей эмиграции в Израиль. КГБ следило за его попытками организовать какую-то активность в Биробиджане и вовремя «пресекло» его деятельность. Тому, что молодой человек «одумался» и все честно рассказал сотрудникам органов безопасности, способствовало вмешательство его матери, возглавлявшей спецчасть на одном из предприятий города [Евтушенко 2020, 229–333].

Не вызывает сомнений, что руководитель спецчасти была членом партии. В СССР среди евреев процент коммунистов вообще был самым высоким. У посла Израиля в СССР Йосефа Авидара, получившего возможность посетить ЕАО в июне 1956 г., сложилось впечатление, что в Биробиджане доля коммунистов среди евреев была еще выше, чем в таких городах, как Киев и Гомель, где он побывал раньше [Patek 2019, 116]¹⁰. В среднем по стране в конце 1980-х каждый пятый взрослый еврей состоял в партии [Константинов 2007, 248]. В Биробиджане, где евреи составляли немногим больше 10 % населения города, еврей-коммунисты составляли больше четверти всей парторганизации города. С 1970 г. еврей Лев Шапиро занимал должность первого секретаря обкома партии. Показательна также статистика по так называемым ответственным работникам [Стародубская 1980] ЕАО: из 54 таких работников обкома партии 16 (29,6%) были евреями, а в облисполкоме евреи занимали 33 (34,7%) из 96 должностей такого уровня. Евреями были также 40 (19,2%) из 208 хозяйственных руководителей области [ГА ЕАО, Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 3100. Л. 1–24]¹¹.

Тем не менее, начиная с 1990 г., когда появилась возможность выехать за границу, большинство партийных и беспартийных евреев-биробиджанцев, включая руководителей советских и партийных организаций и других «ответственных работников», начали покидать страну¹². Израильский демограф Марк Тольц пришел к заключению, что, по сравнению с другими российскими регионами, в 1990-х гг. ЕАО отличилась особенно высоким процентом еврейских эмигрантов в Израиль [Tolts 2002, 7–8]. Еврейская автономная область с уникальной историей построенного ex nihilo своеобразного местечка оказалась покинутой почти всем титульным «биробиджанским поколением».

¹⁰ О визите Авидара см. также: [The Visit to Khabarovsk... 2009].

¹¹ Национальный состав областной/городской партийной организации см. [ГА ЕАО, Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 3100. Л. 3].

¹² Разочарование происходившим в то время в области и стране подтолкнуло к переезду в Израиль и бывшего второго секретаря обкома ЕАО Радика Сандика. См. Сандик 2019.

Источники

- Бергельсон 1937 – *Бергельсон Д.* Карающий меч народа // Литературная газета. 1937. 1 февраля. С. 5.
- Биробиджанская звезда 1936 – О советском, хозяйственном и культурном строительстве Еврейской автономной области. Постановление Президиума Центрального комитета Союза ССР // Биробиджанская звезда. 1936. 15 сентября. С. 1.
- Блоштейн 1934 – *Блоштейн Г. Д.* Биробиджанские зарисовки. М.: Эмес, 1934.
- Ванеев 1931 – *Ванеев Е. И.* Биро-Биджан: историческая справка, география, природные богатства, пути сообщения, население, хозяйство, колонизация. Хабаровск: ОГИЗ, 1931.
- ГА ЕАО – Государственный архив Еврейской автономной области Железногорск 2000 – Железногорск (Красноярск-26): статьи, очерки, отрывки из монографий. Красноярск: Офсет, 2000.
- Интервью с АНК 2020 – Интервью с Александром Наумовичем Корчминским, 07.10.2020.
- Интервью с ИИГ 2020 – Интервью с Иосифом Исааковичем Гольдбергом, 17.09.2020.
- Интервью с ПГХ 2020 – Интервью с Полиной Григорьевной Хануковой, 14.04.2020.
- Кадышевич 1931 – *Кадышевич М.* Биробиджан – страна больших возможностей. М.: ЦС ОЗЕТ, 1931.
- Калинин 1935 – *Калинин М. И.* Об образовании Еврейской автономной области: из записи беседы председателя ЦИК СССР т. М. И. Калинина с делегацией московских рабочих предприятий и работниками еврейской печати 28 мая 1934 г. М.: Эмес, 1935.
- Кипер 1930 – *Кипер М.* «Передмова» // Альбертон М. Биро-Биджан: подорожні вражіння. Харьков: Книгоспілка, 1930. С. 3–5.
- Литературная газета 1934а – Последнее фото // Литературная газета. 1934. 20 мая. С. 1.
- Литературная газета 1934б – Прием в Союз советских писателей // Литературная газета. 1934. 18 мая. С. 1.
- Мережин 1928 – *Мережин А.* О заселении Биро-Биджанского района трудящимися евреями. М.: Эмес, 1928.
- Мережин 1929 – *Мережин А.* Что такое Биро-Биджан. М.: ЦП ОЗЕТ, 1929.
- Семашко 1934 – *Семашко М. [Н. А.]*. Рождается новый человек // Трибуна. 1934. № 6. С. 8.
- Сирота 2008 – *Сирота М.* Воспоминания: записки актера // Лехаим. 2008. № 7. С. 33–37.
- Стародубская 1980 – *Стародубская Е. Н.* Понятие ответственных работников в советском трудовом праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1980. № 3. С. 49–54.

- Трибуна 1929 – Проблемы Биробиджана и лозунг: «В еврейскую страну!» // Трибуна. 1929. № 3. С. 14.
- Финк 1930 – *Финк В.* Евреи в тайге. М.: Федерация, 1930.
- Хавкин 1935 – *Хавкин М. П.* Еврейская автономная область к своей первой годовщине. М.: Эмес, 1935.
- Хаит 1936 – *Хаит Д.* Сторона Биробиджанская // Безбожник. 1936. № 6. С. 8–9.
- Andrews 1978 – *Andrews A.* Spatial Patterns of Higher Education in the Soviet Union // *Soviet Geography*. 1978. № 7. P. 443–457.
- Axebank 1976 – *Axebank A.* Inside Stalin’s “National Home for Jews” // *The Observer*. 1976. June 27.
- Bergelson 1934 – *Bergelson D.* Birebidzhaner. М.: Emes, 1934.
- Bergelson 1939 – *Bergelson D., Kazakevich E.* Birobidzhan: an algemeyne iberzikh fun der yidisher avtonomer gegnt. М.: Emes, 1939.
- Brown 1933 – *Brown D. A.* Brown Beholds Biro Bidjan // *The American Hebrew*. 1933. January 20.
- Davidman 1948 – *Davidman S.* Jewish Children in Biro-Bidjan. New York: Davidman, 1948.
- Gen 1977 – *Gen T.* *A veg in der vayt*. М.: Sovetskii pisatel, 1977.
- Held 1936a – *Held A.* A geshprekh mit dem hoypt-firer fun Biro-Bidzhan // *Forverts*, 1936. 10 september.
- Held 1936b – *Held A.* Mayn ershter tog in Biro-Bidzhan // *Forverts*. 1936. 8 september. Z. 4.
- Hoenig 1970 – *Hoenig S. B.* The Sport of Hunting: A Humane Game? // *Tradition: A Journal of Orthodox Jewish Thought*. 1970. Vol. 11. № 3. P. 13–21.
- Horodyński 1959 – *Horodyński D.* Syberia inaczej. Warsaw: Wydawnictwo Ministerwa Obrony Narodowej, 1959.
- Lestschinsky 1935a – *Lestschinsky J.* Ken Biro-Bidzhan farbesern di lage fun di yidn in sovet-Rusland? // *Forverts*. 1935. 23 februar. Z. 9.
- Lestschinsky 1935b – *Lestschinsky J.* Velkhe rusishe yidn vil men shikn in Biro-Bidzhan? // *Forverts*. 1935. 26 februar. Z. 3.
- Lestschinsky 1935c – *Lestschinsky J.* Tsu vos darf di sovet-regirung, az yidn zoln forn keyn Biro-Bidzhan? // *Forverts*. 1935. 28 februar. Z. 6.
- Perelman 1934 – *Perelman O.* Birobidzhan: shilderungen fun a rayze in yulioyugust 1934. Varshe: Groshn-bibliotek, 1934.
- Rosenthal-Shnaiderman 1983 – *Rosenthal-Shnaiderman E.* Oyf vegn un umvegn: zikhroynes, gesheinishn, perzenlekhkaytn. Tel Aviv: I. L. Peretz farlag, 1983.
- The Visit to Khabarovsk... 2009 – The Visit to Khabarovsk and Birobidzhan of Israeli Ambassador to Moscow Yosef Avidar and His wife, Yemima Tchernovitz (1956): Excerpt from Yemima’s diary, introduced and annotated by Yaacov Ro’i // *Mizrek: Jewish Studies in the Far East*, ed. Ber Boris Kotlerman, Frankfurt am Main, 2009. P. 141–170.

- Tobenkin 1937 – *Tobenkin E.* Biro-Bidjan Heads Held as Plotters // The New York Times. 1937. 6 March.
- Trojanovsky 1936 – *Trojanovsky A. A.* Why Anti-Semitism? // The Sentinel. 1936. 26 March. P. 8.

Литература

- Бляхер, Пегин 2011 – *Бляхер Л. Е., Пегин Н. А.* Биробиджан: между «потемкинской деревней» и nation-building // Полития. 2011. № 1. С. 117–134.
- Бренер 2007а – *Бренер И. С.* Неизвестный профессор Б. Л. Брук // Региональные проблемы. 2005. № 6–7. С. 206–207.
- Бренер 2007б – *Бренер И. С.* Лехаим, Биробиджан! Красноярск: Красноярский писатель, 2007.
- Бренер 2009 – *Бренер И. С.* Город, который не был построен: швейцарский архитектор Ханнес Майер и его проект «еврейского соцгорода у подножия Малого Хингана» // Mizreh: Jewish Studies in the Far East. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. S. 117–139.
- Бренер 2010 – *Бренер И. С. И. И. Либерберг:* первые шаги Биробиджанского проекта // III Раддевские чтения: время, события, люди. Биробиджан, 2010. С. 24–31.
- Бренер 2015 – *Бренер И. С.* Хронология истории несостоявшейся биробиджанской конференции по языку идиш // Judaica Petropolitana. 2015. № 4(1). С. 65–112.
- Бренер, Заремба 2013 – *Бренер И. С., Заремба А. В.* Биробиджанский проект в научных исследованиях: ценности и интересы в истории Еврейской автономной области. Киев: Золотые ворота, 2013.
- Вайсерман 1999 – *Вайсерман Д.* Биробиджан: мечты и трагедия. Хабаровск: РИОТИП, 1999.
- Волошинова 2013 – *Волошинова И.* Динамика еврейского населения в СССР в 1920–1930 гг. // Научные труды по иудаике. 2013. Т. 46. № 2. С. 277–288.
- Гамалей 2019 – *Гамалей С. Ю.* Кадровый состав национальных театров Дальнего Востока в 1930-е годы (на примере еврейского театра г. Биробиджана) // Вопросы развития творческой среды Дальнего Востока России и Азиатско-Тихоокеанского региона / Под ред. С. Н. Скоринова. Хабаровск: Хабаровский государственный институт культуры, 2018. С. 79–84.
- Герович 2020 – *Герович В.* «Математический рай»: параллельная социальная инфраструктура послевоенной советской математики // Логос. 2020. Т. 30. № 2. С. 95–128.
- Гуревич, Куликова, Парамонова 2015 – *Гуревич В. С., Куликова С. И., Парамонова Л. С.* Часовые далекой войны. Биробиджан: Б.и., 2015.

- Евтушенко 2020 – *Евтушенко В. В.* Есть такая профессия...: записки контрразведчика. Книга 1: Дальневосточный марафон. Самара: ИПК «Право», 2020.
- Замойский 2017 – *Замойский А.* «Лицом к местечку!»: Изучение местечек Советской Беларуси в 1920–1930-е годы // Советская иудаика: история, проблематика, персоналии / Под ред. М. Куповецкий. Москва – Иерусалим: Гешарим – Мосты культуры, 2017. С. 82–95.
- Заремба 2015 – *Заремба О. В.* Захід – Схід: Єврейські спільноти і політичний процес у Центральноєвропейському та пострадянському просторі (XX – поч. XXI ст.). Киев: Золоті ворота, 2015. С. 321–332.
- Иванов 2020 – *Иванов А.* В поисках нового человека на берегах рек Биры и Биджана: Еврейская секция Государственного музея этнографии в Ленинграде (1937–1941) // Советская гениза: Новые архивные разыскания по истории евреев в СССР. Т. 1 / Под ред. Г. Эстрайха и А. Френкеля. Бостон-СПб.: Academic Studies Press, 2020. С. 171–292.
- Ковальчук, Гапоненко 2016 – *Ковальчук М. А., Гапоненко Ю. М.* «Биробиджанский проект» и судьба Биробиджанского железнодорожного техникума // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 1. С. 91–95.
- Константинов 2007 – *Константинов В.* Еврейское население бывшего СССР в XX веке. Иерусалим: Лира, 2007.
- Королев 2009 – *Королев Д. В.* Идиш в политике руководства ЕАО в 1934–1936 гг. // Власть и управление на Востоке России. 2009. № 3. С. 235–240.
- Костырченко 2012 – *Костырченко Г.* Тайная политика Хрущева: власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М.: Международные отношения, 2012.
- Котлерман 2020 – *Котлерман Б.* «Останови руку твою!»: Письма на иврите из Биробиджана, год 1958-й // Советская гениза: Новые архивные разыскания по истории евреев в СССР. Т. 1 / Под ред. Г. Эстрайха и А. Френкеля. Бостон-СПб.: Academic Studies Press, 2020. С. 351–433.
- Кузина 2014 – *Кузина И. Л.* Проблемы развития коммунального хозяйства в городах Дальнего Востока в 1930-е гг. // Дальний Восток России: историко-культурное наследие и социально-культурное развитие. Комсомольск-на-Амуре: КНАГТУ, 2014. С. 83–91.
- Кутовая 2016 – *Кутовая С. В.* Маргинальные факторы формирования социального пространства Дальневосточного района (на примере ЕАО) // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 158–162.
- Лещинский – *Лещинский Л.* Миг жизни (мемуары). Б.г., б.и. <http://booksonline.com.ua/view.php?book=184138> (дата обращения: 08.08.2021).
- Либинзон 2007 – *Либинзон Е.* Биробиджан: моя любовь и моя боль // Корни. 2007. № 34. http://www.shorashim.narod.ru/case_libinzon.htm (дата обращения: 08.08.2021).

- Локшин 2015 – *Локшин А. Е.* О порядке въезда из-за границы в СССР трудящихся евреев на постоянное место жительства в Еврейскую автономную область // Восточный архив. 2015. № 1. С. 72–75.
- Лурье 2019 – *Лурье Я. М.* Через тернии Крыма к звездам Биробиджана: две переселенческие утопии в советском агиткино // Кино и капитал. Альманах Центра исследований экономической культуры. Под редакцией А. А. Погребняка, Н. М. Савченковой. М., СПб.: Изд-во Института Гайдара, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2019. С. 130–141.
- Меламед 2020 – *Меламед Е.* Как был уничтожен венец еврейской культуры: еврейские ученые Киева накануне и во время Большого террора // Советская гениза: Новые архивные разыскания по истории евреев в СССР. Т. 1 / Под ред. Г. Эстрайха и А. Френкеля. Бостон-СПб.: Academic Studies Press, 2020. С. 109–170.
- Погромський 2014 – *Погромський В. О.* Діяльність «Джойнта» 1 «Агро-Джойнта» на Півдні України та у Криму у міжвоєнний період // Науковий праць Чорноморського державного університету імені Петра Могили. Історія. 2014. Т. 227. № 215. С. 23–27.
- Райш 2016 – *Райш Г.* Как архитектор из Германии проектировал Биробиджан – дальневосточный Иерусалим // Строительные материалы, оборудование, технологии XXI века. 2016. № 7–8. С. 50–53.
- Романова 2008 – *Романова В. В.* «Биробиджанский проект» // Гуревич В. С. и др. (ред.). Биробиджанский проект: опыт межнационального взаимодействия. Биробиджан: Правительство ЕАО, 2008. С. 8–14.
- Романова, Королев 2008 – *Романова В. В., Королев Д. В.* Из истории борьбы с антисемитизмом в ЕАО в 1935 г. // Власть и управление на Востоке России. 2008. № 1. С. 1–8.
- Сандик 2019 – *Сандик Р.* В неоплатном долгу: воспоминания. Иерусалим: Филобиблион, 2019.
- Смирнова 2020 – *Смирнова Т. М.* Еврейская автономная область: взгляд из-за океана // Евреи в мировой истории, культуре и политике. Серия «Труды по иудаике». СПб.: Петербургский институт иудаики, 2020. С. 211–228.
- Ткачева 2007 – *Ткачева Г. А.* Динамика численности и состава населения Дальнего Востока в 1941–1945 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2007. № 1. С. 60–74.
- Файзуллин Ф. – *Файзуллин Ф. С.* Статус этноса и этнические интересы как факторы национальной политики / Социологические исследования. 2012. № 12. С. 139–144.
- Шиловский 2007 – *Шиловский М. Б.* Общественно-политическая ситуация в Новосибирском государственном университете в 1960–1967 гг. // Вестник НГУ. История, филология. 2007. Т. 6. № 1. С. 105–107.

- Эстрайх 2006 – *Эстрайх Г.* Самуил Гордон: еврейский писатель в океане русской литературы. // Русско-еврейская культура / ред. О. В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2006. С. 32–53.
- Эстрайх 2014 – *Эстрайх Г.* Советская казацко-еврейская доблесть в жизни и литературе // СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм / ред. и сост. О. В. Будницкий и Л. Г. Новикова. М.: РОССПЭН, 2014. С. 314–327.
- Эстрайх 2015 – *Эстрайх Г.* Еврейская литературная жизнь Москвы, 1917–1991. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.
- Эстрайх 2018 – *Эстрайх Г.* Слухи о выселении в Биробиджан, Анастас Микоян и американский еврейский истеблишмент // *Judaic-Slavic Journal*. 2018. № 1. С. 103–117.
- Dekel-Chen 2007 – *Dekel-Chen J.* “New” Jews of the Agricultural Kind: A Case of Soviet Interwar Propaganda // *The Russian Review*. 2007. Vol. 66. № 3. P. 424–450.
- Estraiikh 1995 – *Estraiikh G.* Yiddish Language Conference Aborted // *East European Jewish Affairs*. 1995. Vol. 25. № 2. P. 91–96.
- Estraiikh 2004 – *Estraiikh G.* The Soviet Shtetl in the 1920s // *Polin: Studies in Polish Jewry*. 2004. Vol. 17. P. 197–212.
- Estraiikh 2006a – *Estraiikh G.* From “Green Fields” to “Red Fields”: Peretz Hirschbein’s Soviet Sojourn, 1928–1929 // *Jews in Russia and Eastern Europe*. 2006. № 1. P. 60–81.
- Jacobs 2019 – *Jacobs A.* Contact and Control: Americans Visit the Soviet Union, 1956–1985. PhD dissertation, Bloomington: Indiana University, 2019.
- Kotlerman 2007 – *Kotlerman B.* “Why I am in Favour of Birobidzhan?": Bergelson’s Fateful Decision // *David Bergelson: From Modernism to Socialist Realism*, ed. J. Sherman and G. Estraiikh. Oxford: Legenda, 2007. P. 222–235.
- Kotlerman 2002 – *Kotlerman B.* Yiddish Schools in Birobidzhan, 1939–1941 // *Jews in Eastern Europe*. 2002. № 3(49). P. 109–120.
- Krupnik 1995 – *Krupnik I.* Soviet Cultural and Ethnic Policies towards Jews: A Legacy Reassessed / *Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union*, edited by Yaakov Ro’i. Ilford, Essex, and Portland, OR: Frank Cass, 1995. P. 67–86.
- Lifshitz 1979 – *Lifshitz Sh.* Khaloymes un virklekhkayt: Biro-Bidzhan un arbeitslagern. Tel Aviv: Eygns, 1979.
- Miller 1974 – *Miller J.* Kalinin and the Jews: A Possible Explanation // *Soviet Jewish Affairs*. 1974. Vol. 4. № 1. P. 61–65.
- Patek 2019 – *Patek A.* The Jewish Autonomous Oblast in the USSR in the Documents of the British Foreign Office (1952–1958) // *Scripta Judaica Cracoviensia*. 2019. № 17. P. 105–120.

- Richardson 1989 – *Richardson W.* Architecture, Urban Planning and Housing During the First Five Year Plans: Hannes Meyer in the USSR, 1930–1936 // *Urban Studies*. 1989. Vol. 26. № 1. P. 155–163.
- Ryansky 1992 – *Ryansky F.* Jews and Cossacks in the Jewish Autonomous Region // *Refuge*. 1992. Vol. 12. № 4. P. 19–21.
- Skoczylas 1965 – *Skoczylas E.* The Realities of Soviet Anti-Semitism. Philadelphia: University of Pennsylvania Foreign Policy Research Institute, 1965.
- Takao 2002 – *Takao C.* The origin of the Machine Tractor Station in the USSR: A New Perspective // *Acta Slavica Iaponica*. 2002. № 19. P. 117–136.
- Tolts 2002 – *Tolts M.* Aliya from the Russian Federation: An Analysis of Recent Data // *Jews in Eastern Europe*. 2002. № 1–2 (47–48). P. 5–23.
- Weinberg 1993 – *Weinberg R.* Purge and Politics in the Periphery: Birobidzhan in 1937 // *Slavic Review*. 1993. № 52. P. 13–27.
- Weinberg 2007 – *Weinberg R.* Biology and the Jewish Question after the Revolution: One Soviet Approach to the Productivization of Jewish Labor // *Jewish History*. 2007. Vol. 21. P. 413–428.

“Birobidzhan Generation”: Construction of a Shtetl in the Far East

Gennady Estraiikh

(New York, USA)

Professor,

Skiball Department of Hebrew and Judaic Studies,

New York University

E-mail: ge293@nyu.edu

ORCID: 0000-0002-7885-7851

Iosif Brener

(Birobidzhan, Russia)

PhD, Senior Research Fellow,

Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences; Research and Educational Center for the Study and Preservation of the Historical and Cultural Heritage in the Jewish Autonomous Region

Email: brener_iosif@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3322-5188

Abstract: This article attempts to add understanding to the project of constructing the Far Eastern Jewish autonomy. It is emphasized that from the very beginning, in 1928,

Birobidzhan had been built without any definite plan or, when a plan did exist, it usually would not be followed through. Twice, in the 1930s and 1940s, repressions weakened the intellectual and professional composition of the population of the Jewish Autonomous Region. Turning the city of Birobidzhan into a significant academic and cultural center remained an unrealized dream of enthusiasts of the Far Eastern Jewish autonomy. Even the construction of modern housing and sewage began as late as the 1960s. Birobidzhan languished as a backwater with a Jewish minority population, whose educational level was considerably lower than that, on average, for Soviet Jews. In stark contrast to an exemplary modern city, envisioned in blueprints of the early 1930s, the settlement of the bank of Bira River grew into essentially a shtetl, which endured until the 1990s, when the vast majority of its Jews left the area.

Keywords: Birobidzhan, nationalities policy, Soviet Jews, urban development, human capital

References

- Brener I. S., 2015, Khronologiia istorii nesostoiavsheisia birobidzhanskoi konferentsii po iazyku idish [Chronology of the history of the failed Birobidzhan conference on the Yiddish language], *Judaica Petropolitana*, 4–1, 65–112.
- Brener I. S., Zaremba A. V., 2013, *Birobidzhanskii proekt v nauchnykh issledovaniakh: tsennosti i interesy v istorii Evreiskoi avtonomnoi oblasti* [Birobidzhan Project in academic research: values and interests in the history of the Jewish Autonomous Region]. Kiev.
- Dekel-Chen J., 2007, “New” Jews of the Agricultural Kind: A Case of Soviet Interwar Propaganda, *The Russian Review*, 66, 3, 424–450.
- Estraikh G., 1995, Yiddish Language Conference Aborted, *East European Jewish Affairs*, 25, 2, 91–96.
- Estraikh G., 2018, Slukhi o vyselenii v Birobidzhan, Anastas Mikoian i amerikanskii evreiskii isteblishment [Rumors about Expulsion to Birobidzhan, Anastas Mikoyan, and the American Jewish Establishment] *Judaic-Slavic Journal*, 1, 103–117.
- Gamalei S. Iu., 2019, Kadrovyi sostav natsional’nyi teatrov Dal’nego Vostoka v 1930-e gody (na primere evreiskogo teatra g. Birobidzhana) [The staff of the national theaters of the Far East in the 1930s (on the example of the Jewish theater of Birobidzhan)], *Voprosy razvitiia tvorcheskoi sredy Dal’nego Vostoka Rossii i Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona* [Development of the creative environment of the Russian Far East and the Asia-Pacific region], ed. Skorinov S.N., Khabarovsk, 2019, 79–84.
- Ivanov A., 2020, V poiskakh novogo cheloveka na beregakh rek Biry i Bidzhana: Evreiskaia sektsiia Gosudarstvennogo muzeia etnografii v Leningrade (1937–

- 1941) [In Search of a new man on the banks of the Bira and Bidzhan rivers: the Jewish section of the State Museum of Ethnography in Leningrad (1937–1941)], *Sovetskaia geniza: Novye arkhivnye razyskaniia po istorii evreev v SSSR* [Soviet geniza: new archival researches on the history of Jews in USSR], vol. 1, eds. G. Estraikh i A. Frenkel', Boston-Saint-Petersburg, 2020, 171–292.
- Konstantinov V., 2007, *Evreiskoe naselenie byvshego SSSR v XX veke* [Jewish Population of the former USSR in the 20th century], Jerusalem, 2007.
- Kostyrchenko G., 2012, *Tainaia politika Khrushcheva: vlast', intelligentsiia, evreiskii vopros* [Khrushchev's secret politics: power, intelligentsia, the Jewish question], Moscow, 2012.
- Kotlerman B., 2002, Yiddish Schools in Birobidzhan, 1939–1941, *Jews in Eastern Europe*, 3 (49), 109–120.
- Kotlerman B., 2007, “Why I am in Favour of Birobidzhan?": Bergelson's Fateful Decision, *David Bergelson: From Modernism to Socialist Realism*, ed. J. Sherman and G. Estraikh, Oxford, 222–235.
- Kotlerman B., 2020 “Ostanovi ruku tvoiu!": Pis'ma na ivrite iz Birobidzhana, god 1958-i [“Stop your hand!": Letters in Hebrew from Birobidzhan, year 1958] *Sovetskaia geniza: Novye arkhivnye razyskaniia po istorii evreev v SSSR*. [Soviet geniza: new archival researches on the history of Jews in USSR], vol. 1, eds. G. Estraikh i A. Frenkel', Boston-Saint-Petersburg, 2020, 351–433.
- Krupnik I., 1995, Soviet Cultural and Ethnic Policies towards Jews: A Legacy Reassessed, *Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union*, ed. Yaakov Ro'i, Ilford, Essex, and Portland, OR, 67–86.
- Kutovaia S.V., 2016, Marginal'nye faktory formirovaniia sotsial'nogo prostranstva Dal'nevostochnogo raiona (na primere EAO) [Marginal factors in the formation of social space in the Far Eastern region (on the example of the Jewish Autonomous Region)], *Sotsiologicheskie issledovaniia*. 2016, 1, 158–162.
- Lokshin A. E., 2015, O poriadke v"ezda iz-za granitsy v SSSR trudiashchikhsia evreev na postoiannoe mesto zhitel'stva v Evreiskuiu avtonomnuiu oblast' [On the procedure of entrance from abroad to the USSR of working Jews for permanent residence in the Jewish Autonomous Region] *Vostochnyi arkhiv*, 1, 72–75.
- Lur'e Ia. M., 2019, Cherez ternii Kryma k zvezdam Birobidzhana: dve pereselencheskie utopii v sovetskom agitkino [Through the thorns of the Crimea to the stars of Birobidzhan: two resettlement utopias in the Soviet agitkino], *Kino i kapital. Al'manakh Tsentra issledovaniia ekonomicheskoi kul'tury* [Cinema and Capital. Almanac of the Center for the Study of Economic Culture], eds. A. A. Pogrebniak, N. M. Savchenkova. Moscow – St. Petersburg, 130–141.
- Romanova V. V., Korolev D. V., 2008, Iz istorii bor'by s antisemitizmom v EAO v 1935 g. [From the history of the fight against anti-Semitism in the Jewish Autonomous Region in 1935], *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, 1–8.

- Smirnova T. M., 2020, *Evreiskaia avtonomnaia oblast': vzgliad iz-za okeana* [Jewish Autonomous Region: a view from across the ocean], *Evrei v mirovoi istorii, kul'ture i politike*. Seriiia "Trudy po iudaike". Peterburgskii institut iudaiki [Jews in World History, Culture, Politics], 211–228.
- Tkacheva G.A., 2007, *Dinamika chislennosti i sostava naseleniia Dal'nego Vostoka v 1941 – 1945 gg.* [Dynamics of the size and composition of the population of the Far East in 1941–1945], *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia*, 1, 60–74.
- Patek A., 2019, *The Jewish Autonomous Oblast in the USSR in the Documents of the British Foreign Office (1952–1958)*, *Scripta Judaica Cracoviensia*, 17, 105–120.
- Richardson W., 1989, *Architecture, Urban Planning and Housing During the First Five Year Plans: Hannes Meyer in the USSR, 1930–1936*, *Urban Studies*, 26, 1, 155–163.
- Tolts M., 2002, *Aliya from the Russian Federation: An Analysis of Recent Data*, *Jews in Eastern Europe*, 1–2 (47–48), 5–23.
- Voloshinova I., 2013, *Dinamika evreiskogo naseleniia v SSSR v 1920–1930 gg.* [Dynamics of the Jewish population in the USSR in 1920–1930], *Nauchnye trudy po iudaike*, 46, 2, 277–288.
- Weinberg R., 1993, *Purge and Politics in the Periphery: Birobidzhan in 1937*, *Slavic Review*, 52, 13–27.